

Повелитель Кызылкумов / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Повелитель Кызылкумов / повесть ПОВЕЛИТЕЛЬ КЫЗЫЛКУМОВ

Она появилась так же внезапно, как и пропала несколько месяцев назад. Кайрат, испуганно вздрогнув, обернулся назад, услышав до боли знакомое прерывистое поскуливание. Ведро, наполненное колодезной водой, упало на раскаленный песок, и драгоценную влагу мгновенно проглотила жаждущая пустыня.

– Чара?!

Кайрат сорвав с головы меховой малахай, бросился к большой отощавшей собаке и, опустившись на колени, обхватил руками ее мохнатую голову. Чара ласково лизнула шершавым языком щеку хозяина, поросшую многодневной щетиной, обдав его лицо горячим дыханием. Чара была щенная: чабан это заметил по округлившимся бокам, неестественно выглядевшим в сравнении с худыми выпирающими лопатками и осунувшейся мордой. Соски собаки набухли и потемнели. Кайрат поглаживая нагретую палящим солнцем обжигающую шерсть, остановил ладонь на боку. Там внутри утробы беременной суки, дробно бились крохотные сердца, слабо толкались маленькие жизни, зачатые неизвестно в каком краю необъятной пустыни.

Оглянувшись, ища глазами жену, он крикнул срывающимся от радости голосом:

– Жанар! Иди сюда, скорее! Смотри, кто вернулся!

Жена, испуганно выбежавшая из юрты, на ходу вытирая полотенцем мокрые руки, с недоумением уставилась на собаку.

– Смотри, вернулась – довольно промолвил Кайрат, гордо поглядывая на Жанар, – не забыла дом родной. Эх-х как исхудала то.

Жанар охая, присела рядом с мужем.

– Беременная что-ли? Где щенков нагуляла-то?

Кайрат пожал плечами и улыбнулся в обветренные, порыжевшие от

жаркого солнца усы:

– Смешная ты Жанарка. Мне-то почему знать, пустыня большая.

Чара несмело подошла к хозяйке, и, виляя обрубок хвоста, уткнулась головой в ее колени, словно выпрашивая отпущения грехов.

Чабан, задумавшись, смотрел как жена, прослезившись, гладит Чару. Вот уж и седьмой год пошел, как поженились, а Бог детей так пока и не дал. За что? Мало добра Кайрат сделал людям? Никогда скрягой и злыднем не был, помогал, чем мог, не завидовал и не в гордыне не зазнавался. Так за что же такое? К каким только докторам да знахарям не возил он Жанар, баранов и смушков каракульчи немерено им перетаскал, да все без толку: ничем не помогли, пообещали, что через год или два или три будет ребенок. А вот не случилось. Бесплодные надежды, в бесплодной пустыне. Любовался Кайрат манящей ладной фигурой Жанар, широким бедрам, высокой груди, радовался ямочкам на смуглых, пышущих зноем щеках, искристому водопаду черных как ночное небо волос, и... рыдал в душе, с болью пересиливая щемящую обиду на жизнь. Ей бы родить... На резвом скакуне мчался бы вдаль, кричал во весь голос бы охваченный сумасшедшим счастьем:

– «Лю-диии... у меня сыы-н родилс-яая!»

А если дочь... Ну и ладно! Внучат сладких подарит, старость мою с Жанар заботой да лаской согреет.

Да, не скачет Кайрат на резвом скакуне по пустыне, распугивая юрких ящериц. Не поет, не кричит от счастья. Мечты, мечты, а жизнь она оказалась горька как полынь. Чужие какие-то стали они друг другу. Ушла без оглядки былая любовь, все больше молчали, редко говорили о чем-то. Стало им скучно, потому что растаяли последние надежды на большую и веселую семью... Молчат больше, словно чужие.

Сейчас Кайрат смотрел на большую собаку верой и правдой служившую ему с щенячьего возраста, и вспомнил что за несколько дней до ее исчезновения, видел вдали зеленоватые огоньки, призрачно светящиеся в ночной мгле. Как будто волки, намереваются совершить набег на кошару. Чара глухо рычала и лаяла в темноту, бегала вокруг юрты, принюхиваясь к ночным

запахам пустыни. Кайрат дал в темноту выстрел из двустволки. Огоньки исчезли. Доверив собаке овечью кошару, чабан зашел в юрту: Чара породы волкодав, надежно охраняла загоны, не подпуская серых хищников к стойбищу.

...Чабан принес собаке вареную баранью голову, и с удовольствием смотрел как она, с жадностью набросившись на еду, урчала от удовольствия, временами благодарно и виновато посматривая на хозяина: как будто просила прощения за то, что бросила его однажды. Кайрат глядя на Чару, вновь вспомнил былое...

...Утомленный за день на дальнем выпасе, он, уткнувшись носом в горячее плечо Жанар, уснул сном праведника. А утром обнаружил, что Чара исчезла. Неподалеку от юрты Кайрат, обнаружил крупные следы собачьих лап, пересекающиеся со знакомыми ему следами Чары. Кайрат опустился на колени, внимательно всматриваясь в следы, и почувствовал как холодеет его спина. Тяжело и сильно вдавленные в песок следы, с четкими отпечатками прибылых «лишних» пальцев на задних лапах.

Звенящей раскаленной стрелой пролетела сквозь мозг неожиданная догадка. В народе говорили, что иные из волкодавов были потомками мифического, загадочного зверя сыртона – огромного существа: полугиены-полусобаки чудовищной силы, обитавшей в незапамятные времена в туркменских Каракумах. О сыртоне Абай слышал еще в детстве, когда старики, разомлевшие от весеннего хмельного кумыса, под таинственные звуки домбры, нараспев повествовали о могучем и бесстрашном звере, грозе пустынь, наводящем ужас на людей и животных. Его дед Ержан рассказывал, что перед войной, он молодым чабаном однажды видел сыртона. Ранним утром, когда гнал домой овечье стадо с дальнего пастбища, наткнулся на чудовище вышедшее из-за бархана. Длинные передние ноги, неестественно возвышали широкую мускулистую грудь, а большое тело, покрытое густой бурой шерстью, опиралось узким тазом на короткие, но сильные задние конечности. Морда существа была ужасна. Черная пасть оскалена рядом крупных и острых клыков, а маленькие жестокие глаза похожие на пылающие угольки буравили парня ненавистью и злобой. Конь под чабаном дико заржал от страха и шарахнулся в сторону, Ержан не удержавшись в седле, свалился на песок. В

последнее мгновение он лишь ощутил на своем лице смрадное дыхание зверя, и провалился куда-то в непроглядную темень. Зверь не тронул Ержана. Забрал лишь одну овцу, и исчез среди песчаных барханов.

...Кайрат, словно очнулся, и бросился к кошаре и, чертыхаясь, пересчитал овец. Все целы. Значит, зверь, в жилах которого текла кровь сыртлона приходил за Чарой, увел с собой. Люди говорили, что по поверьям, сыртлоны приходили на стойбища чабанов, и забирали с собой лучших породистых сук.

Кайрат выгнал овец из кошары, и, нахлобучив на бритую голову выдавший виды лисий малахай, сел на коня, приторочив к седлу ружье. Про догадки жене ничего не сказал, не хотел страшить.

– К обеду не жди, – буркнул он притихшей Жанар, – далеко от юрты не отходи. Где-то неподалеку волки бродят. На ужин конину в котел заложить. Поздно вернуться.

Понукая коня, погнал стадо вперед. По привычке поглядывал на левую сторону, где, всегда чуть отставая от лошади, шла верная Чара. Без надежды своей и опоры нелегком чабанском труде остался Кайрат – обветренный всеми ветрами, опаленный неистовым солнцем, насквозь промерзший под лютой зимней стужей Кызылкумов.

Когда медное солнце устало опустилось за барханы, окрасив пустыню в огненно-рыжий цвет, Кайрат понял, что собаку уже не сыскать. Он потер покрасневшие веки, и, потянув поводья, направил коня домой. В пути, под гигантской жемчужиной луны висевшей в мерцающем звездами бархатном небе, Кайрат, утирая горькие слезы, проклинал безысходность судьбы, каялся и прощался с верным другом.

Чара вернулась странной. Ласкаясь к Кайрату, положив как всегда ему на колено лапу, внимательно заглядывая в глаза, принимая баранью голову или потроха, она была как будто-то притворна. У Кайрата временами возникало чувство, что в собаке, живет некая странная сущность, отличная от той, что была раньше близка ему и понятна. Порой ему казалось, что Чара не узнает родной юрты, где когда-то крохотным щенком ползала по кошме, смешно тычась мордочкой в теплые ладони Жанар.

Чара стала другой, и, вернувшись с неведомого края Кызылкумов,

принесла в себе плоть чужака. Чара удивленно смотрела на жену чабана, когда та расчесывала гребнем свои длинные черные как смоль волосы, хотя раньше... А впрочем, что было раньше? Время в пустыне не обозначено ничем, ориентиры призрачны, и редкие события там проходят просто, почти незаметно.

Жанар, чувствовала на себе ее пристальный, изучающий взгляд, и объясняла это, просто тем, что Чара впервые готовится к материнству. И, наверное, в душе понимала ее. Хотя, во взгляде Чары было нечто иное, о чем пока было трудно судить. Однажды, женщина, просто так, в шутку, поднесла к глазам Чары зеркальце, как делала это раньше. К ее удивлению, та не опустила привычно головы, а продолжала смотреть, словно сквозь зеркало, не замечая собственного изображения. Это было странно, и даже немного пугало Жанар.

Спустя неделю Чара оценилась, девятью пищащими шерстяными комочками, и в эту же ночь, где-то в непроглядной дали, раздался протяжный вой. Кайрат, вышедший из юрты вздрогнул от неожиданности. Это был не волчий вой, к которому он привык сызмальства. Волк выл бы так, словно тянул букву «у» долго и призывно. Этот пугающий звук был чем-то другим, доселе неведомым. А потом раздалось многоголосье волчьего воя, будто летели наперегонки длинные волосяные арканы, опережая друг друга, и переплетаясь возбужденными и нервными нитями, оживали в воздухе тонким звучанием. Далечно, где-то между высоких барханов, блуждали зеленоватые огоньки. Почему-то волки беспокоятся. Давно не появлялись, а с наступлением сумерек теперь кругами бродят окрест. Чего им нужно? За овцами приходят глубокой ночью, незаметно, молча. А тут завывают, словно хотят о чем-то предупредить...

Кайрат зашел с керосиновой лампой в деревянную пристройку рядом с кошарой, и осветил желтовато-унылым пятном Чару кормящую щенков. Они слепо толкаясь, тонко скулили словно в плаче, сосали мать отрешенно лежащую на боку. Чара пусто глядела на Кайрата, тяжело вздымая бока. Он подвинул ей таз с бараньими костями, и присев рядом на корточки, погладил собаку по голове. Чара прикрыла глаза, словно задремала, но сквозь узкие щелочки между век, продолжала глядеть на хозяина.

Почесав ее за обрубками ушей, он собрался уходить, как вдруг Чара встрепенулась, и успела горячо лизнуть его ладонь. Как будто благодарила. Или каялась напоследок, перед тем, что уже неотвратно. Кайрат ушел к себе в юрту, в смятении, не понимая, что происходит, не распознав тайного знака поданного ему преданным и любящим сердцем Чары.

В эту же ночь, под порывами завывающего ветра, бешено сверкая страшными глазами чужак, когда-то подчинивший себе волчью стаю, привел с собой серых хищников, которые подкопались под кошару, и набросились на Чару и щенков. Она, зарычала, оскалившись, и в мгновение, осознав, что не спасет ни себя, ни детенышей, отчаянно рванулась навстречу смерти... Волки загрызли ее и щенков. Кроме одного, того что остался под окровавленным брюхом матери. В полубредовом тумане Кайрат услышал дикий скулеж, отстранил испуганную жену, схватил ружье выбежал из юрты, едва не ступив по пути босыми ногами в пылающие уголья очага. Ворвался в кошару, с ходу пальнув в метнувшиеся в сторону тени. Двух волков завизжавших в предсмертных конвульсиях уложил на месте, отпугнув остальных. Быстрые тени, мелькнув в свете керосинки, исчезли в подкопе, будто растворились во тьме. Кайрат с колотящимся сердцем, опустился на колени перед Чарой, уставившейся в дощатый потолок кошары остекленевшими глазами. Он осторожно высвободил из-под нее жалобно поскуливавшего щенка, и, прижав себе его дрожащее тельце, сам заплакал как дитя.

Кайрат горько оплакивал Чару и ее детенышей. Завернув безжизненные, остывшие тела в полотняную материю, он унес их далеко от юрты, и, прочитав поминальную молитву, закопал глубоко в песок меж двумя барханами. Он долго сидел на песке, уставившись на дрожащее марево горизонта. Ни о чем не думал, ничего не желал – просто глядел вдаль. Словно и не жил сейчас, в этом мире блуждающих барханов и таинственных звуков. Может статься, что уже этой ночью, песчаные холмы отправятся в дальнее странствие, и забвение ляжет безмолвной печатью на могилу собаки и ее несчастных щенков. Ветер выл и бесновался, дико вихрился и остервенело набрасывался на пески, словно

ненавидел люто эту раскаленную добела пустыню. Ветер, вечный и верный спутник чабана, сочувствовал ему, оплакивал вместе с ним невозполнимую утрату, хлестал словно безжалостный кнут эти безмолвные пески, в которых упокоилась недолгая радость Кайрата. Он, резко встал, словно очнувшись, а потом ушел к юрте, не оглядываясь. Уцелевшего щенка, белого с черными овалами вокруг глаз, взял в юрту, и назвал Караем. Спустя день, Кайрат направил на кожаном ремне старую дедову бритву, которую тот привез с поверженного Берлина, и, смочив водкой острое лезвие, обрезал уши и коротко отсек хвост отчаянно визжавшему щенку. Крови было совсем немного, – всего лишь несколько капель, и несчастный Карай обиженно скуля заполз под комод, откуда продолжал тоненько ныть.

Щенок жив, и волки не угомонились, появляясь теперь окрест почти каждую ночь. Чужак, предводитель стаи, не был волком. Он не был, как предполагал Кайрат волкодавом в жилах которого, текла кровь далекого предка сыртлона. Чужак сам был сыртлоном. Он появился в Кызылкумах неведомо откуда, для того чтобы властвовать и повелевать. Однажды он пришел в стаю волков. Волки потрясенные страшным обликом пса-пришельца напоминающего огромную гиену, попытались прогнать его, но сыртлон не медля напал на вожака стаи, и мгновенно сломав ему хребет, злобно рыча, отгрыз голову и швырнул к лапам дрожащих от страха волков. Они подчинились, не смея более перечить страшному чужеземцу, признав его своим вожаком. Теперь сыртлон осознал что, доверив волкам убийство Чары и ее щенков, он совершил досадную оплошность, оттого что не сделал это сам, поторопившись уйти после учиненной резни. Один из щенков выжил, и осознание этого жгло каленым железом сердце и душу сыртлона. Когда щенок вырастет, он будет служить человеку верой и правдой, и в один из дней встанет на пути отца. Сыртлон знал: убив свое дитя, он сможет жить спокойно, вновь повелевать волчьей стаей, охотиться, мчась по бескрайней пустыне, и пить горячую овечью кровь, разрывая плоть, урча от невероятного удовольствия, не ожидая тягостно, возмездия за содеянное.

Сыртлон, увязая в зыбком песке, поднялся на бархан, и

пристально вгляделся в далекую юрту. Проклятое место... Два дня назад, волки по его велению загрызли Чару с которой, он еще совсем недавно наперегонки бежал по диким просторам, которую полюбил своим диким сердцем, оставив в ней частичку себя. А потом осознал свою страшную ошибку, и решил уничтожить, свое же потомство, чтобы оставаться единственным повелителем пустыни.

Сыртлон смотрел вдаль. Там остался один выживший щенок, и ему суждено умереть.

Одну за другой, стая сделала несколько вылазок, в стойбище Кайрата. Глубокой ночью волки рыскали у юрты, и не найдя щенка, забрались в кошару, и зарезали троих овец.

Кайрат долго ворочался с бока на бок. Не мог заснуть, часто поднимался с постели, не давал спать Жанар. Подходил к куску кошмы на которой спал щенок. Карай, вздрагивал во сне, поскуливал мелко тряся обрубком хвостика, дергал лапками. Чабан, осторожно приоткрыл створку двери. По залитым лунным светом барханам бродили призрачные тени, то, приближаясь, то растворяясь, то вновь вырастая вблизи. Кайрат слышал, как снаружи об войлочные стенки юрты, трутся упругие тела, отрывисто принюхиваются, глухо, еле слышно рычат. Волки были совсем рядом, там за войлочной стенкой жилища. Им бы разорвать этот войлок, пролезть внутрь, и покончить с ненавистным щенком – причиной их беспокойства. А если люди встанут на защиту ублюдка, то и их в клочья разорвать!

Волки не находили себе места рядом с юртой. Повелитель приказал убить щенка, а потому терзаемые страхом перед ним, они не могли остановиться ни на мгновение. Но пока не решались, и бродили в бесплодных попытках, пока на горизонте не забрезжил рассвет. Тени растворились в туманной дымке, словно призраки.

Кайрат лег рядом с женой, и незаметно для себя погрузился в мягкий и глубокий сон.

4.

Слухи о том, что в юрте Кайрата живет щенок с прибылыми

пальцами на задних лапах, быстро разнеслись по Кызылкумам. К его стойбищу, потянулись чабаны. Первым появился на горизонте его давний друг Шапек. Кайрат издали узнал его, и улыбнулся. Шапек, с годами остался прежним, не изменив своей привычке, сидеть в седле, наклонив голову набок. Конь Шапека плелся по песку сквозь дрожащее плотное марево-мираж, и оттого казалось, что ноги животного колышутся, словно на ветру. Фата Моргана не упускала случая озадачить одиноких путников, заставляла поверить в невозможное, надсмехаясь и обманывая до тех пор, пока это мнимое чудо по мере приближения не становилось простым обманом зрения. Кайрат привык с детства к миражам, и ничего удивительного уже в них не находил.

Шапек подъехал улыбаясь, и грузно слез с коня.

– Ну, старый бродяга, приехал-таки – засмеялся Кайрат и шагнул навстречу гостю.

Шапек прищурившись, вдруг поднырнул под него, и как в детстве обхватив поперек туловища, резким рывком оторвал от земли.

– Ой, дьявол, отпусти, задушишь! – воскликнул, хохоча Кайрат, и попытался освободиться от железной хватки, –пусти, кому говорю! Ох и силен же...

Шапек еще немного покружил его, и бережно опустил на землю.

– Ну, здравствуй братишка, здравствуй – тяжело дыша произнес он, похлопывая друга по плечам. Давно не виделись, а годы-то идут. Идут... Да... Соскучился хоть? Да не ври, только! Ты ведь не врешь никогда!

– Да кому врать – хохотнул Кайрат. Пескам да суховею? Живем у мира на задворках, вот так год через два и видимся.

Шапек вздохнул и передал поводья Кайрату.

– Давай, чего стоишь. Принимай гостя!

Кайрат сходил в кошару, и выволок, оттуда отчаянно блеющую и упирающуюся упитанную овцу.

Завел ее за ютру, и, зажав в зубах нож, стянул ей ноги веревкой.

– Давай, ну-ка...

Чабаны присели на корточки и раскрыли ладони, Шапек на правах старшего, прочитал молитву. Оба провели ладонями по лицу, словно умывшись божественным началом, что витал у тела еще

живого животного, и Кайрат одним движением прервал его жизнь...
Алая кровь ушла в песок, жертвенным ручейком напоив жаждущих духов пустыни.

Пока Жанар готовила баранину в скворчащем курдючным жиром казане, чабаны устроились в юрте на кошме, попивая зеленый чай.

– Он? – кивнул Шапек на крупного белого щенка, увлеченно грызущего баранью голяшку.

– Как узнал? – вопросом на вопрос ответил Кайрат, удивленно уставившись на Шапека.

– Ветер разнес молву – улыбнулся чабан, не отрывая восхищенного взгляда от Карая. Щенок в борьбе с костью, засучил задними ногами, показав прибылые пальцы.

– Да, не соврали значит... – задумчиво сказал Шапек. – Злой?

Кайрат горделиво хохотнул, поглаживая бритую голову:

– А ты сам убедись! Отними-ка у него кость.

Шапек пожал плечами, и на коленях подполз к щенку вытянув руку с растопыренными пальцами:

– Ущц...ущц.. Дай сюда!

Карай, перестал грызть кость, застыл, скосив на чужака настороженные глаза окруженные черными овалами. В глазах вспыхнул дьявольский огонь, и послышалось тоненькое, но злобное рычание.

– Ущц! Дай кость! – увлекшись, продолжал дразнить его Шапек, – дай!

– Эй, берегись, укусит! – встревожился Кайрат.

В это же мгновение, щенок рванулся к Шапеку, и, вонзив зубы в мякоть ладони, отскочил назад, ощерился, приготовился к новой атаке.

– Ух ты шайтан!

Шапек вскрикнув от боли, отдернул руку, изумленно уставившись на кисть, где выступили крошечные капельки крови.

Кайрат замахнулся на рычащего щенка полотенцем, и тот, пригнувшись, отпрыгнул в сторону, а потом, виновато глянув на хозяина, опрометью бросился вон из юрты.

– Дай руку посмотрю – наклонился к гостю чабан. – Ты смотри а, здорово укусил. Эй Жанар, йоду принеси, и бинт!

– Да пустяки, отмахнулся Шапек, – поцарапал просто. А каков шайтан! А? Ты посмотри! Не боится, за свое, кому хочешь, горло перегрызет. Не зря ведь сыртлонья кровь в нем течет.

Шапек восхищенно зацокал языком, не обращая внимания на суету Жанар, прибежавшую с аптечкой.

– Что доигрались? – произнесла она, с укоризной глядя на смущенного Кайрата, – гостя ваш пес покусал! Позор нам и нашему дому!

– Да ладно тебе – попытался отшутиться он, – мы сами его раздражили. Пойди лучше разыщи его, а то волки учуют.

– Разыщи..., – пробормотала жена, качая головой, – покоя нет от него. Того и гляди – самих волки загрызут...

Шапек, посмотрел вслед вышедшей из юрты Жанар, и, пощупав ладонь, туго перевязанную женщиной, поморщился.

Кайрат допил чай, и, выплеснув остатки на кошму, откупорил бутылку водки. Разлив по пиалам, он пододвинул Шапеку блюдо с дымящейся бараниной.

– Давай друг мой выпьем за встречу, да закусим. Молодая овечка, жирок добрый нагуляла, на весеннем разнотравье. Не побрезгуй угощением, уважь хозяина юрты.

– Добро, дорогой, добро...

Звякнули пиалы, выпили друзья, и поморщились от горькой.

– Ой бай, злая чертовка! – ухая произнес Шапек, взял кусок баранины, обнажил крупные зубы и принялся, с аппетитом есть, при этом тяжело дыша и довольно поглядывая на друга. Ели и пили долго, за хмельной беседой смакуя жирное, сочное мясо. Потом вновь шумно пили крепко заваренный чай, поминутно вытирая платками взмокшие от пота головы и шеи.

– Ох, не могу больше! – тяжело вздохнул Шапек, вытирая полотенцем сальные пальцы. Ну, угостил, так угостил, друг дорогой. Почет выказал, уважение, другу старому. За то тебе спасибо душевное. Теперь, и о делах поговорить не грех.

– Чего же не поговорить, коли за делом приехал – улыбнулся Кайрат. Что за дела-то?

– Да ты и сам, небось догадался, чего там притворяться.

Шапек почесал нос, и хмыкнул:

– Слушай братишка, – ты уж не пойми меня неправильно, я с

такой дали, не только с тобой повидаться приехал, – произнес Шапек, откинувшись на потертый тюфяк. Уступи Карая. По душе мне пришелся. Рассчитаюсь с тобой за него как положено, не поскуплюсь. Ты меня знаешь – за хорошего волкодава и цену хорошую дам. А твой Карай хорош, сыртона потомок, чего уж там говорить, – такие не каждый день рождаются. Хочешь деньгами, а хочешь овец и баранов дам. Тридцать голов от стада пригоню. Хорошая цена, соглашайся братишка. Если решишь что мало, – еще добавлю. Что скажешь?

Кайрат пристально посмотрел на друга, и, покачал головой.

– Нет, не пойдет. Про Карая забудь. Хоть ты и друг мне с детства, как родственник уже, но его не продам, ни за какие деньги. И овец мне не надо.

– Да ты не торопись, давай сговоримся, если говоришь что родственник.

Кайрат отрицательно покачал головой, в ответ и нахмурился.

– Нет. Карай мне как память о Чаре, а она ты знаешь, что для меня значила. Один единственный остался после того как волки ее да щенят зарезали. Серые и теперь почти каждый день у юрты слоняются.

– Вот именно, что рыщут здесь. А отдашь мне щенка, сюда больше не придут, у меня два больших алабая в отаре, они волков прогонят.

Кайрат вновь покачал головой.

– Нет, не проси брат. Карая не отдам.

– Ну, так не сговоримся что ли?

– Нет... Не сговоримся. Извини брат.

Так и не смог уговорить Шапек своего друга, как ни старался, как ни убеждал. Все впустую. Обиделся, прощался холодно, не обняв Кайрата. Так и уехал ни с чем, даже не обернувшись ни разу.

Кайрат стоял, прислонившись спиной к войлочной стенке юрты, и смотрел, как силуэт коня и сидящего на нем человека со склоненной на бок головой, постепенно тают в смутных волнах барханов.

Что-то теплое и мягкое уткнулось в его голень. Кайрат посмотрел вниз. Карай положил лапу ему на сапог, и преданно

глядел на него, не отрываясь. Хотел чтобы хозяин простил его за дерзость и злость. Кайрат поднял его на руки, и засмеялся, услышав, как смешно кряхтит щенок с черными овалами вокруг глаз.

5.

Чабаны зачастили на стойбище. Приезжали не с пустыми руками, – подарки везли. Кайрату каракульчу дорогую, а то и шкурки «золотой антик» – нежные, словно перламутром отдающие, ружья охотничьи, ножи... И про Жанар не забывали. Ей отрезывали на платье, или духи. Потом глянув на Карая, и вообще щедрот прибавляли. Совали Кайрату пачки купюр, овец, коней да верблюдов предлагали. Лишь бы заполучить редкого в этих краях волкодава – грозу и воина пустыни. Знали законы Кызылкумов: сторожит юрту и отару наследник сказочного сыртына, так никакие стаи волков не страшны. Не сунутся серые, даже духа их не будет окрест, а значит и отара прибывать будет, без потерь возрастет многократно. Хотя, бесплодны были все эти старания гостей, с ближних и дальних стойбищ. Не принимал подарков Кайрат, денег не брал, кому вежливо, кому грубо – но отказывал всем. И уезжали чабаны, не добившись своего. Кто просто лицом мрачнел, хмурился, пожимая руку на прощание, досадливо качал головой, но понимал – раз нет, значит – нет. Другие, со злостью косясь на Кайрата, отъехав подальше от юрты, плевали с досады по сторонам, хотя и понимали, что будь у них самих такой щенок, никому бы его не уступили. И все же проклинали и костерили за глаза упрямого чабана. А он молчал, лишь светлел лицом, когда щенок, прыгая вокруг него, звонко тявкал, и пытался играючи схватить за штанину.

Однако понимал чабан, что волки будут мстить ему за то, что оберегает их заклятого врага, холит и лелеет их гибель. Не знал ведь Кайрат, что волчьей стае вожак-то не волк. Все законам природы вопреки, вожак стаи не волк, а совсем иной, более страшный и жестокий зверь. Ушли бы серые сами из этих мест, пусть живет его уцелевшее дитя. Да ведь сыртына не позволяет, принуждает их идти на кровопролитие. Не спят, какую

уж ночь, все бродят низко припавшими к пескам тенями, ползут под светом луны поблизости от юрты, прислушиваются к каждому шороху внутри войлочного жилища. Замирают пустынные хищники услышав как поскуливает во сне Карай. Пройдет ведь время, вырастет щенок в сильного волкодава, и тогда окрестности содрогнутся от грозного рыка. И тогда держись! Конец сырталону и слугам его! Всех передумит его сынок родной, всех до одного, и никому пощады не будет. Надо спешить, надо выманить щенка, разорвать на куски ублюдка, не медля!

В одну из лунных ночей, грянула песчаная буря. Ветер выл и бесновался словно демон, как полоумный носился по пустыне, хватая в пригоршню барханы, остервенело швырял песок о стенки юрты едва державшейся по напором разъяренной стихии. Легкие, почти невесомые шары перекаати-поле испуганно бежали прочь, куда-то в неведомую и необъятную пустоту спасаясь от чего-то неотвратимого и страшного. Потом безмолвно сверкнула молния, озарив ослепительно-голубой ветвью небо и пески, и страшно загрохотал гром, заглушая вой безумного демона-ветра. Хлынул дождь, рухнув с набрякших тучами небес, сплошной водяной пеленой. Он лил, беспрестанно низвергаясь, хлестал по земле слово в наказание за не вымоленные грехи, заливая все вокруг превращаясь в мутные стремительные потоки. В дали, вспыхнули десятки зеленых огоньков, и послышался протяжный волчий вой. Тоскливое «уу-у-у» – приближалось к стойбищу. Под жестоко хлещущим колким дождем, и ураганным ветром, сырталон вел стаю к юрте, и в этот раз он желал покончить со всем разом, обагрить пасть кровью щенка и людей.

Стая окружила юрту. С оскаленных клыков, непрерывными струйками стекала вода. Волки дрожали от возбуждения, испуганно приседали при ослепительных вспышках и грохотании молний. Они жадно вдыхали свежий бодрящий воздух, чувствуя близость щенка за стенками жилища, зверели, доводя себя до безумной ярости. Но не смели позволить себе дать вырваться этой ярости наружу, выпустить ее словно страшного всепожирающего демона. Не могли – пока не позволит вожак. А

сыртлон, выжидал, момента. Может быть, чуял, что люди еще не спят: ведь надо напасть неожиданно, одним ударом выломать створки дверей, разорвать местами прохудившийся войлок, перегрызть решетчатый каркас, и ворваться внутрь. Но не сейчас! Пусть грохочет гроза, нещадно хлещут упругие и холодные ливневые струи, неистово воет ветер. Пока не время. Надо выстоять, вытерпеть, выждать, а потом ударить наверняка. Что для диких зверей непогода, голод, тяготы жизни. Они живут так всегда, – от потери к потере, лишь изредка жалуясь луне далекой.

Сыртлон медлил, лишь упершись короткими задними лапами в раскисший песок, принюхивался, скалясь пастью коварной гиены.

К нему несмело приблизился молодой широкогрудый, жилистый волк, из тех, что были преданы ему, в страхе и рабском повиновении.

– Чего мы ждем господин? Ты привел нас сюда, так прикажи, и мы разорвем их в клочья. Ты желаешь, смерти щенка, но ты не дал нам это сделать когда твоя сука носила их всех в своей поганой утробе. Скажи господин – почему?

Сыртлон скопился жутким глазом на самоуверенного наглеца. Рано он выставляется, рано... Сыртлону хватит всего лишь мгновения, чтобы выпустить ему кишки.

– Не время еще... И не тебе меня учить, как поступать. Это мое право и мое решение. Стая будет ждать.

– Но ты...

– Молчи ничтожество! Смерти своей желаешь?

Сыртлон оскалится, и яркая вспышка молнии озарила на мгновение его демонические глаза.

Молодой волк, струсил, увидев страшный оскал, напоминающий кровожадную пасть оборотня. Поджав хвост, он отбежал к остальным, затерявшись в стае.

Сыртлон, медленно пошел на стаю, и волки попятнулись. И вдруг встряхнувшись, роем брызг он, вздыбил шерсть в холке, и зарычал громко и раскатисто:

– Идите, грызите, убивайте! Убивайте!

И стая, гонимая бесовским духом ринулась на юрту. Затрещали под напором тел створки дверей, послышался звук раздираемой в клочья сырой кошмы. Волки рвались внутрь.

6

Серые хищники в диком желании убийства бросались как сумасшедшие на решетки каркаса юрты, в бешенстве грызли тонкие рейки, выламывали их продираясь в образовавшиеся разломы, раздирая до крови мокрые шкуры о торчащие острыми ножами деревянные сколы.

Жанар вскочила так словно сильная, резкая рука выдернула ее из сна. В свете догорающих головешек саксаула она увидела, как в юрту пролезают рычащие существа.

Женщина не могла разглядеть в полумраке, кто они, но закричала страшно и дико, разбудив крепко спавшего мужа.

Кайрат проснулся мгновенно, схватив висевшую на стене двустволку и не целясь, выстрелил в первого волка проскользнувшего внутрь. Оглушительно гроыхнуло ружье, изрыгнув яркий сноп пламени, и визжащее тело покатилося по намокающей кошме. Кайрат немедля перевел ствол направо ногой отпихнув за спину непрерывно лающего Карая. Вновь грянул выстрел, и второй волк, повис на прогнувшихся деревянных рейках. Патронташ свалился на пол, потерявшись в полумраке.

Матерый волк, перепрыгнувший через очаг, рыча бросился на Жанар. Кайрат успел сбить его ударом приклада, и в тоже мгновение другой хищник вцепился ему в руку и остервенело мотая головой из стороны в сторону, попытался вырвать кусок плоти. Кайрат закричал от боли, и, отбросив бесполезное ружье,

схватил его за загривок. Он сумел оторвать его от себя, и, обливаясь кровью, со всей силы швырнул на пол. Юрта быстро наполнялась волками. Они проникали внутрь, но теперь не спешили нападать, медленно продвигались вдоль стен, постепенно сужая полукруг. Рыча и вздыбливая мокрую шерсть, они медленно, смакуя каждое мгновение перед убийством, приближались к людям и щенку, напряженно наблюдавшему за хищниками. Щенок весь превратился в сжатую пружину, положив как всегда лапу на босую ступню Кайрата.

Сыртлон протиснулся огромным телом в юрту. При виде его, чабана прошиб холодный пот, а Жанар без чувств сползла на пол. Чудовище, сверкая глазами, остановилось в середине юрты, и принюхалось к воздуху, жилища где среди кисло-тяжелого запаха мокрой псины, явно ощущался запах чего-то страшного, непреодолимого и неизбежного. В жилище повис дух смерти, страстно желающий смочить ледяные губы горячей кровью жертв. Кайрат встретился взглядом с жестокими немигающими глазами сыртлона, и почувствовал, как что-то ужасное и жестокое сдавливает его горло холодными костяными пальцами. Сейчас, рычащий, оскаленный клыками полукруг сомкнется и все будет кончено. Карай, прислонился к его ноге, и чабан ощутил, как дрожит тело щенка. Он рычал, но рычал как-то странно, непонятно. Отрывисто, звеняще, это рычание словно доносилось откуда-то из преисподней, пытаюсь разбудить, призвать к действию страшное дремлющее существо. Карай будто звал кого-то, настойчиво и уверенно.

И вдруг наступила тишина. Непроницаемая тишина. Сыртлон подошел к очагу, и остановился как вкопанный. Он внимательно вглядывался в тлеющие головешки, переливающиеся голубоватыми языками пламени, и этот огонь отражался в его бесстрастных глазах. Огонь завораживал вожака, и стал постепенно разгораться с новой силой, вытягиваясь вверх наподобие раскаленного стального клинка. И чем громче рычал Карай, тем сильнее его рык походил на заклинание, тем ярче разгоралось пламя. К дымовому отверстию на вершине юрты, откуда хлестали

струи дождя, упрямо полетели яркие искры, завихряясь и закручиваясь в причудливую спираль. Сыртлон почуяв надвигающуюся угрозу, отступил назад, не отрывая взгляда от огня. Волки перестали рычать, и начали жалобно скулить, и в этом многоголосом терзающем слух звуке, послышался страх. Искры тем временем сформировались в большой плотный сгусток, и вот под куполом юрты над разбушевавшимся костром, этот яркий сгусток принял форму большой огненной собаки.

– Чара! – изумленно прошептал Кайрат, глядя на огненный призрак, не веря самому себе, словно стирая с себя наваждение, провел по лицу рукой – о Боже милосердный... Смилуйся над нами грешными!

Тем временем огненный силуэт медленно спустился на пол, и развернулся в сторону ошеломленного сыртлона. Раздался душераздирающий рев, и вслед за этим из развернутой пасти призрака, вырвался широкий огненный столб, пылающим покрывалом, накрывший чудовище и волков. Пылающие живыми факелами, они, захлебываясь от собственного визга и воя заметались по юрте, наталкиваясь друг на друга, сшибая, катаясь по полу, корчась в предсмертных муках. Прижатый к стене огненной завесой, Кайрат подхватил на руки Жанар, и бросился сквозь пылающую пелену к выходу. За ним устремился и Карай. Уже с наружи, пригнувшись под жестоко хлещущим проливным дождем, он, отбежав подальше от юрты, и все еще удерживая Жанар на руках, оглянулся назад. Юрта пылала гигантским огненным шаром, озаряя все вокруг, и никакой ливень не мог погасить этот ослепительно-белый огонь. Дикие завывания постепенно затихли под раскатами грома.

7

Конца-краю не было этой дьявольской ночи. Дождь все также нещадно стегал испуганно затихшую пустыню, смывая барханы, превращая их пологие холмы пригнувшиеся низко и угодливо перед бушевавшей стихией. Молнии пронизывали небо голубыми ветвями, освещая на мгновения окрестности до самого горизонта,

утонувшего в белесой пелене дождя.

Юрта сгорела дотла, огонь поглотил ее целиком, оставив лишь дымящийся прах. Домашняя утварь, деревянный остов жилища, мокрая кошма, и трупы хищников – все превратилось в груды пепла расплзающегося под ливнем бесформенной массой.

Перед рассветом, Кайрат, оставил пониющую и опустошенную жену в кошаре, среди беспокойно блеющих овец, и тяжелого духа шерсти, навоза и мочи, а сам вышел к месту, где совсем еще недавно стояла его юрта. Карай увязался с ним, выбегая вперед, как всегда мешаясь под ногами. Щенок рвался к тому опустевшему месту, где вызвал из потустороннего мира огненный дух матери. Постепенно погода утихомирилась. Гром перестал греметь, и молнии уже не озаряли светлеющий небосвод. Во влажном воздухе отдавало глубоким духом растревоженной влагой полыни, и противной гарью – чуждым, непонятным запахом для этих бескрайних и нетронутых просторов. Карай бегал вокруг пепелища, принюхивался к пугающему запаху смерти, тревожно скулил, искал мать, что огненным призраком предстала перед ним совсем ненадолго. Пепелище было мертвым, как и положено, быть пепелищу. Кайрат стоял рядом, глядя как плачет и тоскует щенок. Чабан не обращал внимания на ноющую рану, не вспоминая о произошедшем – он просто задумчиво смотрел на щенка, явственно ощущая в его беззащитности, страшную силу. Он чувствовал непреодолимую и нерушимую связь живого, быстрого и наивного Карая с миром мертвых, с тем миром откуда не возвращаются, но вопреки разуму, приходят если их позвать...

Кайрат пристроившись в углу, обнявший уснувшую Жанар, так и не сомкнул глаз, не в силах осознать произошедшего ночью кошмара. Он думал, как быть дальше, как отстраиваться заново, как быть теперь, и чего ожидать. Волчьей стаи и ее страшного вожака, сгоревших, в белом как пустынное солнце пламени, больше нет. Нет больше и угрозы. Но все же неизвестность пугала его своей пустотой, не имеющей границ, и точек опоры. Проведи вокруг себя руками – не на что будет опереться, не то чего будет оттолкнуться. Зависнешь в этой неизвестности, может

быть на мгновение, может быть – навечно. Ну, хорошо: поставит он новую юрту, обзаведется новым скарбом, а что потом? Как дальше жить в этом страшном месте, где появился огненный призрак Чары? Спасла она их конечно от верной смерти, что и говорить, спасла милая. Но здесь не будет ей упокоения, раз не ушла навсегда в мир иной. А там где мертвые, живым места нет...

Так сидел Кайрат в темной и душной кошаре, не слыша блеяния овец, пока не забрезжил свет снаружи, и солнечный луч, пробившийся сквозь узкую щель в двери, оповестил о том, что дьявольская ночь канула в небытие.

Но не все ушло в небытие. Не все... Сыртлон, страшно обожженный и израненный, все же выжил, чудом выскользнув из адского пламени. Скрываясь в ночи, вздрагивая под ливнем, колко бившим по кровотоющим ожогам, он полз по вязким барханам, полз, подальше от смерти, завывая в бессилии и злобе.

– «Я не успокоюсь, пока бьется мое черное сердце! – рычал он в темноту, сверкая в ярости единственным уцелевшим глазом – ты отнял у меня все – выродок проклятый! Ты все у меня отнял, и да не сгину я в песках пустыни, не отомстив. Я все равно перегрызу твою поганую глотку...»

Получилось так как и предполагал Кайрат. На первых порах он с Жанар и Караем уютился в брезентовой палатке, постепенно отстраивая новое жилище..

До жителей ближайших поселков, уже дошли слухи том, что юрта чабана сгорела дотла, но они, конечно же, не знали истинных причин произошедшего, хотя впрочем, догадывались – случилось что-то необычное. Ветер развеял окрест последние частицы пепла, а пески окончательно похоронили в своей толще все, что напоминало о ночном кошмаре. Чабаны бывали в палатке у Кайрата, привозили то да се по хозяйству, предлагали свою помощь, деньги. Он благодарно принимал помощь, чтобы не обидеть гостей, жадно и с завистью глядевших на крупного подрастающего щенка, но от денег отказывался, – не хотел быть

обязанным, чтобы потом кое-кто из них упрекнул: мол, денег тебе дали, а ты упрямисься, щенка не хочешь уступить, не ценишь наше великодушие. Многие чабаны приезжали, даже с самых дальних стойбищ и аулов, а вот Шапек так и не объявился. Сильно видать обиделся он на Кайрата, и в беду не поспешил на помощь. Ну да ладно, Бог ему судья.

Потом Кайрат отстроил новую юрту, и в конце лета, перекочевал подальше от прежнего места. Почти за тридцать километров. Там было две крепких и просторных кошары, с хорошо приспособленными закутками для суягных маток, и родильными уголками. Был также и колодец, а неподалеку крепкие лотки для поения. Рядом с колодцем и поставил юрту. Карай, к этому времени стал неузнаваем. Из шустрого, смешного и наивного подростка, с черными овалами вокруг глаз придававшими ему некую схожесть с забавным медвежонком пандой, он превратился в здоровенного пса-воина, с мощной широкой грудью, мускулистыми ногами и звероподобным оскалом, обнажающим крупные, белоснежные клыки. Это был настоящий волкодав, в жилах которого текла гремучая смесь двух воинов пустыни: беспощадного чудовища сыртона, с начала мирозданья живущего на свободе, и собаки, верой и правдой служащей своим хозяевам. Карай, живший теперь за пределами юрты, охранял жилище и овец. Он стерег кошару, сопровождал стадо на выпас, бежал легко и непринужденно за лошадью Кайрата, и чабан с удовольствием и восхищением смотрел на сильного и стройного зверя, на его мышцы, упруго перекатывающиеся под белоснежной шерстью, на оскаленную в беге пасть, на глаза, упрятанные в черных колдовских озерах. Эти глаза были порой непредсказуемы. Бывали они ласковы и добры с любовью встречавшие хозяина и его жену. Тогда Карай ласкался, подставлял свою мощную холку под руки людей, прыгал на грудь балуясь и играя. Но иногда, в «час волка» когда сизые сумерки опускались на разморенную пустыню, он смотрел на призрачный холмистый горизонт, и из его груди вырывался глухой устрашающий рык, словно в нем просыпалось мифическое чудовище. Это чудовище вот-вот отделится от него словно иная форма жизни, расправит огромные перепончатые

крылья, и, сверкая дикими глазами, взлетит над Кызылкумами сжигая огнем из разверзнутой пасти все живое дотла. Тогда, где-то в глубине черных озер окружавших глаза Карая, вспыхивало зеленоватое пламя, играя перламутровыми всполохами и переливами. В такие моменты он был страшен. Тем не менее, Кайрат и Жанар чувствовали себя в полной безопасности, ощущая, как глубокой ночью за войлочной стенкой юрты чуть слышно ступает неусыпный страж, время от времени застывающий на месте, и шумно вдыхающий таинственные запахи пустыни.

А Карай... Сильный и порывистый, он в своей необузданной мощи и свирепости, он тосковал по матери. Карай помнил ее тепло, запах, влажный язык лизавший его слепую, несмысленную мордочку. Карай тосковал по ее нежности и доброте, и в эти моменты, он хотел лишь одного – жестоко и беспощадно мстить за ее гибель. В нем яростно горел огонь отмщения, желания рвать на куски отца-убийцу, давить и топтать его, превращая в грязное бесформенное месиво. Карай знал, – убийца жив, потусторонним чутьем он улавливал его присутствие. Пусть он не рядом, пусть далеко, но он еще жив, а значит дух матери не упокоен. Карай его найдет, и тогда свершится справедливость.

8

Так миновало, знойное лето, за ним пришла унылая осенняя пора. В Кызылкумах стали ночи прохладней. Пожелтели, словно состарились кустики «верблюжьей колючки», юркие ящерицы уныло поглядывали на свинцово-серое небо. Все чаще по ночам завывал дикий ветер, бесчинствуя в песчаном пространстве, неустанно гонясь за беспокойными снами обитателей пустыни. Кайрат готовился к осенней окотной кампании, укреплял местами прохудившиеся крыши кошар, стелил солому в родильных углах для сугных овцематок, готовил ясли для малышей, что в скором времени огласят тонким жалобным меканьем окрестности стойбища. Когда начался окот, Кайрат с Жанар потеряли покой – так много рождалось ягнят, что казалось заполонят они пески окрест – ступить негде будет. Прими малыша, почисть, оботри слизь с крошечных ноздрей, подай обеспокоенной матери, пусть тщательно

оближет дитя, подпустит к вымени... День смешался с ночью, и так было два раза в год. Карай охранял отару, бдительно обходил кошары, настойчивым лаем звал хозяина обнаружив новых ягнят, беззащитно лежащих на песке. Уже давно, и в этих краях не видели серых хищников. Несколько оставшихся одиноких волчиц, потерявших кормильцев в том страшном пожаре, ушли с волчатами навсегда из этих мест, прокляв кровожадного сыртлона, скрывавшегося где-то в затерянных в пустыне тугаях. С давних времен, волки по законам пустыни брали дань с овечьих отар, прибавляя чабанам и хлопот, ну и конечно вводя в убыток. Но это был закон сосуществования, так или иначе сохранявший жизненное равновесие. Охотники били волков за овец, и это было справедливо, но никогда волки не приходили за жизнями чабанов. Сыртлон поправ все обычаи, подло и дерзко нарушил этот закон древний как мир.

Теперь же скрываясь в непролазных тугаях, он уже не ощущал себя полноправным хозяином пустыни, пока все еще был жив его заклятый враг. Вновь и вновь его терзала мысль о том, что сын в одночасье ставший врагом, будет преследовать его постоянно, днем и ночью, даже во сне.

Сыртлон вызнал где расположено новое стойбище Кайрата. Иногда глубокими ночами, он приходил, преодолев большие расстояния, и вдали от юрты чабана, укрывшись за барханами, с лютой ненавистью смотрел в темноту, туда, где жили люди и его ненавистный враг. Карай ощущал присутствие злой силы, выходил перед юртой, и вглядывался в кромешную тьму. В этой темноте, их взгляды невольно встречались, горячая волна мчалась в самое сердце, вскипая яростью и диким чувством мести. И тогда в глотках воинов песков клокотало глухое рычание, прерываемое лишь секундным глотком воздуха. К рассвету сыртлон уходил, заметал следы петляющей нехоженой дорогой, чтобы, вновь укрывшись в тугаях, ждать часа возмездия.

В один из дней этот час настал...

В Кызылкумах всюду бушевала февральская стужа. На пустыню опустилось ослепительно-белое снежное покрывало, натужно завывая, закружилась, завертелась поземка, побежала гулять да бесчинствовать, навевать тоску. В такие вьюжные дни, ютился Кайрат с женой в юрте, задавал овцам заготовленное на зиму сено, присматривая за молодняком, пополнившим отару многократно. Карай, к той поре стал огромен до того, что набредшие путники на стойбище, застывали от страха при его виде. Пес, подходил не спеша, обнюхивал незнакомца, испытующе заглядывал ему в глаза, что обычно не делают собаки. Стоило лишь путнику сделать резкое движение, или закричать от ужаса, Карай, мгновенно валил его на снег, и, придавив тяжелой лапой, громким лаем звал хозяина. Слава о нем, уже всюду гремела по Кызылкумам, и чабаны, так и не заполучившие его щенком, сейчас лишь держали в сердце горечь обиды на неуступчивого Кайрата.

В тот день, метель разыгралась не на шутку. Казалось, вот-вот, и налитые невероятной тяжестью небеса не выдержат, сорвутся вниз, и придавят грешную землю. Ветер страшал, ухал, швырялся снегом, превратив все окрест в непроглядную призрачную пелену. Кайрат лежал, укрывшись старой овчинной шубой, и смотрел, как Жанар хлопчет у самовара. После того случая, он заметил, как она заметно изменилась. Стала задумчивой, пугливо вздрагивала при каждом резком звуке, шорохе. Иной раз Кайрат видел, как в ночи, жена сидит на постели, беззвучно шевеля губами, словно рассказывает что-то невидимому собеседнику, гладит его ладонями, потом, закрыв лицо ладонями, тихонько плачет, всхлипывая и подергивая плечами. Кайрату до боли в душе становилось жалко ее, он хорошо понимал, что в памяти ее все еще живет тот страшный случай, но лишь время сотрет как ветер с песка страшные следы произошедшего с ними. Время все поставит на свои места...

Убаюканный нудными звуками метели, Кайрат закрыл глаза, и блаженно погрузился в сладкую дремоту. Ему снилось будто он бредет по необозримому заснеженному полю, проваливаясь в

глубокие сугробы, выбирается с трудом, и, отогревая дыханием заочевшие от мороза пальцы, старается найти выход из белого пространства, тянущегося куда-то в туманную даль. Кайрат видел как рядом с ним проносятся непонятные снежные фигуры. Низко стелятся бесплотные призраки над белым полем, ворошат белую крупу, издеваясь, швыряют ее в глаза. Он слышал учащенное дыхание не то волка, не то собаки, натужный хрип у самого уха, и далекий, протяжный вой, доносящийся с бескрайних просторов. Вой, словно причитание, будто просьба о милости, снисхождении, мольба о пощаде. Градом катятся слезы по лицу чабана, безудержно струятся по разгоряченному лицу, и тут же застывают солеными льдинками, как будто умирают, прожив лишь мгновение.

Он проснулся оттого, что сердце забилося в груди испуганной птицей. Кайрат, вздрогнув открыл глаза. Небо, видневшееся в дымовом отверстии, окрасилось в сизый сумеречный цвет, и за войлочными стенками кочевого жилища по-прежнему бушевала непогода.

Жанар, сидела рядом, без движения, глядя испуганными глазами на дверцы юрты. Вдали раздался звук, похожий на что-то страшное, неотвратимое. Тут же за стенкой, в ответ грозно зарычал Карай. Вновь раздался звук, от которого холодело в душе.

Кайрат рывком вскочил на ноги, и, накинув на себя овчинную шубу, схватил ружье и патронташ.

– Кайрат не ходи!

Жанар бросилась ему в ноги, обхватив колени, зарыдала отчаянно в голос.

– Не ходи, Богом тебя заклинаю! Я больше не могу так, не ходи... Не ходи-и-и..

Чабан нагнувшись, отстранил жену, а потом взглянув в ее расширенные от ужаса глаза, крепко зажмурился, словно желал отогнать странное видение.

Он решительно шагнул к выходу, и ударом сапога с треском распахнул створки дверей.

В лицо ударила ослепительная белизна вместе с колючей снежной крупой. Завертелась, закрутилась перед глазами снежная метель, дыхнуло лютым неумолимым холодом. Кайрат невольно зажмурился, заслонившись рукой от разгулявшейся непогоды. Спустя мгновение, метрах в пятидесяти он увидел... его. Сыртлон стоял на заснеженном бархане, в полупрозрачной снежной круговерти. Со страшными струпьями на морде и спине, сожженным правым глазом, он был похож адское создание, выползшее из огненной преисподней. Кайрат вскинул ружье, передернув затвор, взял чудовище в прицел. Мушка прицела прыгала из стороны в сторону, сердце билось, так учащенно, словно стремилось выпрыгнуть из груди. Чудовище за пеленой метели, стояло не двигаясь.

Кайрат положил палец на холодный курок. Сыртлон оскалился, зарычал, зашептал, будто человек что-то древнее, похожее на заклятье из другого мира. Чабана вновь охватило то знакомое ощущение смерти, как тогда, в ту ночь. Вновь, безжалостно и неотвратимо в грудь заползли ледяные хищные пальцы, добрались до сердца, и жадно схватив отчаянно трепыхавшуюся горячую птицу, сжали крепко и безжалостно. У Кайрата перехватило дыхание, помутнело в глазах, все кувыркнулось вверх дном, и он, со стоном опустив ствол, схватившись за горло, стал медленно оседать на снег.

– «Жанар, помоги...» – сумел лишь произнести он, теряя сознание, как вдруг в его щеку уткнулось что-то теплое, надежное, что-то родное, будто в сердце в душу влилась доброта и справедливая сила. Злые пальцы мгновенно разжались, и отпустили сердце. Чабан открыл глаза, и увидел склонившегося над ним Карая.

В ушах раздался тихий голос:

– «Хозяин живи...Это моя судьба, моя схватка, моя месть. Только я и он... А ты... живи родимый...»

Карай лизнул еще раз чабана в щеку, и увязая в глубоких

сугробах, с рычанием ринулся навстречу судьбе.

10.

Они остановились в нескольких шагах. Отец и сын – одна кровь, смертельные враги. Сыртлон дико оскалившись обожженной пастью, вздыбил на загривке черную шерсть, оттого еще более стал похож на адскую гиену. Часто принюхиваясь, он словно прощупывал дыхание Карая, будто пытался ощутить его горло вибрирующее от глухого рычания. Но не мог: В Карае жила страшная, необузданная сущность, и колдовства он не боялся. Карай передвигался боком, не сводя взгляда с чудовища. Мышцы Карая напряглись, вот-вот лопнет кожа, и из собачьего нутра с ревом вылезет страшное, разъяренное существо. Они вдруг застыли:

– «Вот мы и встретились – сын. Здесь в пустыне случается всякое даже самое невозможное. Но двум царям в одной стране не править. Я любил Чару, и любовь к ней все еще живет в моем черном сердце. Но я поступил так, как поступил. Должен остаться лишь один, чтобы повелевать Кызылкумами. Сойдемся в первой и последней схватке, и пусть выживет сильный. Ему и жить, ему и править. Ты готов, сын мой?»

– «Пусть даже по крови я тебе сын, но ты жестокий убийца, и тебе нет места в пустыне. Ты подло убил мою мать, моих братьев и сестер, чтобы царствовать? Ты ошибся сыртлон, и теперь не жди милости. Пришло время отмщения...»

– «Ну что же, пусть свершится справедливость...»

– «Пусть!»

Они развернулись точно стальные пружины, и с ревом бросились в яростную схватку. В какое-то мгновение зубы сыртлона клацнули у горла Карая, но схватили лишь морозный воздух. Карай невероятным образом вывернулся из под смертельного броска, и, поднырнув под чудовище, исчез в глубоком снегу. Сыртлон изумился, опешил, на несколько мгновений потерял его из виду, и тут же ощутил затылком горячее дыхание. Он обернулся, и

Карай тяжелым ударом лапы свалил его в снег.

– «Вставай! Я не убиваю тех, кто упал».

Сыртлон мгновенно вскочил, и чуть присев на короткие задние лапы, перекинул через себя налетевшего Карая. Сыртлон вновь нацелился в горло волкодава, и навис над ним, готовясь к смертельному броску, но Карай кувыркнувшись, вновь зарылся в снег, и выскочил вверх подняв целое снежное облако, на секунды ослепил чудовище. Один быстрый рывок, и он схватил зубами, заднюю лапу сыртлона, и, вновь быстро кувыркнулся в снегу. Раздался хруст ломающейся кости, кровь, брызнувшая из рваной раны, окропила алым цветом белоснежный снег. Сыртлон взревел от боли, завизжал адским многоголосьем, и изогнувшись рванул клыками по предплечью Карая. Дикое существо, бесновавшееся в естестве волкодава, огласило окрестности страшным по силе ревом, и удар двух лап разом переломил спину сыртлона словно валун упавший на ствол сухого дерева. Сыртлон молча упал на снег, и вмиг затуманившимся взглядом лишь увидел как Карай оскалив пасть, готовится вонзить в его шею клыки. Сыртлон слабо погребая снег, попытался ползти, подтянуть вдруг онемевшие задние ноги, но застыл на месте, прижатый мощной лапой Карая. Он почувствовал на шее остроту клыков, и зажмурил глаза готовясь принять неизбежную смерть.

– «Ну же... Завершай свое дело... Ты победил сын...и прости... за все...» – чуть слышно прошептал сыртлон, захлебываясь собственной кровью

– «Не убивай, оставь его сынок!»

Карай тяжело дыша, изумленно обернулся, и, вздрогнув увидел как вихрь снежинок, непрерывно кружась и падая, обрел очертания его матери.

Снежная Чара медленно подошла к Караю, и прижалась ледяной щекой к его раненному плечу.

«Мама! Ты?»

«Не убивай его. В милосердии твоя мощь и справедливость. Не прощай, но оставь его. Видишь он уже умирает... Оставь его, и последний вздох сыртлона дарует тебе невиданную силу»

Карай увидел как остывает тело чудовища, как снежинки быстро засыпают его, словно стараясь укрыть его огромное обожженное, изувеченное тело. Сыртлон умирал. Он уходил медленно. Губы приподнятые над оскаленной пастью мелко дрожали, а широко открытые глаза заволакивала мутная пелена. Вдруг сыртлон дернулся всем телом, часто задышал, захрипел, и в последний раз огласил окрестности громогласным ревом. Из пасти чудовища вырвалось ослепительное сияние, и метнувшись к Караю, охватило его словно спеленав чудодейственным светом. Карай стоял в центре песчанного мира, там где выли жестокие метели, носились обезумевшие бураны, там где жили таинственные духи и неведомые создания. Он стоял объятый таинственным свечением неудержимой силы, – повелитель Кызылкумов, мощи и неустрашимости которому не было равных.

– «Теперь мой дух упокоится с миром, сынок. Прощай...»

Чара, подошла к юрте, у порога которой сидел Кайрат потрясенный увиденным. Она положила лапу на его плечо, прощаясь навсегда, и проронив снежную слезу, бесплотным духом проникла внутрь юрты. Приблизившись к Жанар, собака уткнулась головой в ее колени как это бывало раньше. Пальцы женщины гладили снежный дух, ощущая проникающее тепло. Пальцы Жанар гладили снежную Чару, и что-то новое, доселе неизвестное зарождалось в сердце молодой женщины. В конце осени, в юрте Кайрата раздался плач новорожденного, пришедшего в сердце пустыне, где правит сын сыртлона – Карай.

Георгий ПЕТРОСЯН. Powestler